

To study, work, and live in a communist way: the bonds of the social contract between the youth of the 1950s and 1960s and the Soviet government

M. S. Korotkova¹

¹Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2025-4-408-419

Research article
Full text in Russian

The historical and sociological analysis of the article provides an overview of theoretical and methodological research on this topic during the period under review. The article is based on the concept of a social contract between the Soviet government and young people. The analysis focuses on the following aspects: the number of young people, the government's demands, the situation of young people and their relationship with the government, issues related to secondary and higher education, and participation in various youth organizations. The data is supported by statistical reports. The article examines the positions of young people in terms of their adherence to the cult of work, education, and community. The article shows the forms of social activity of young people: labor (shock work, Stakhanov movement, movement for the title of brigades of communist labor, participation in Komsomol construction sites, virgin lands development, etc.), public (Komsomol, Amateur informal associations, voluntary societies), political (the case of Krasnopevtsev).

The research is interested in what aspirations, interests, and orientations were characteristic of this group, what they consisted of, how they correlated with state interests, as well as the interests of the entire nation; whether the creative potential of young people was in demand.

The trends in higher and secondary vocational education are shown, based on the research of V.N. Shubkin. A differentiated review of youth organizations of the Soviet era in the 1950s and 1960s (pro-social, asocial, and opposition-oriented) is presented, as well as the reasons for their emergence as a challenge to the social contract.

Keywords: Soviet youth; students; youth organizations; Komsomol; education; work

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Korotkova, Marina S.	E-mail: korotkova.ms@grru.ru
	Cand. Sc. (Sociology)

Funding: Russian Science Foundation (project 23-18-00093)

For citation: Korotkova M. S. To study, work, and live in a communist way: the bonds of the social contract between the youth of the 1950s and 1960s and the Soviet government // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2025. Vol. 11, No. 4. P. 408-419. (in Russ.)

Учиться, работать и жить по-коммунистически: скрепы общественного договора молодежи 50–60-х годов с советской властью

М. С. Короткова¹

¹Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2025-4-408-419

Научная статья

УДК 316.422

Полный текст на русском языке

Историко-социологический анализ статьи содержит обзор теоретико-методологических исследований по данной тематике в рассматриваемый период. Текст статьи построен, исходя из позиций общественного договора между советской властью и молодежью. При анализе участия молодежи в общественном договоре анализируются следующие аспекты: численность, запросы государства, положение молодежи и отношения с властью, вопросы среднего профессионального и высшего образования, участие в дифференцированных молодежных организациях. Данные подкрепляются статистическими сводками. Позиции молодежи рассматриваются с точки зрения следования культу труда, образованию, коллективу.

Показаны формы социальной активности молодежи: трудовые (ударничество, стахановское движение, движение за звание бригад коммунистического труд, участие в комсомольских стройках, освоение целины и др.), общественные (Комсомол, Самодельные неформальные объединения, добровольные общества), политические (дело Краснопевцева).

Исследовательский интерес представляет то, какие стремления, интересы, ориентации были характерны для данной группы, в чем они состояли, как они коррелировали с государственными интересами, а также интересами всего народа; был ли востребован творческий потенциал молодежи.

Показаны тенденции в сфере высшего и средне-профессионального образования с опорой на исследования В. Н. Шубкина. Представлен дифференцированный обзор молодежных организаций советского времени 50-х–60-х годов (просоциальной, асоциальной и оппозиционной направленности) и причины их появления как вызов общественному договору.

Ключевые слова: советская молодежь; студенчество; молодежные организации; комсомол; образование; труд

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Короткова, Марина Сергеевна	E-mail: korotkova.ms@grru.ru Кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии социологического факультета Института социально-экономических наук
--------------------------------	---

Финансирование: Российский научный фонд (грант № 23-18-00093 «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации»)

Для цитирования: Короткова М. С. Учиться, работать и жить по-коммунистически: скрепы общественного договора молодежи 50–60-х годов с советской властью // Социальные и гуманитарные знания. 2025. Том 11, № 4. С. 408–419.

© ЯРГУ, 2025

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Введение

Молодежь на любом этапе своего развития имманентно занимает позицию становящегося субъекта общественной жизни. В ее формировании решающую роль играет государство с его разветвленной сетью социальных институтов. Воспринимая молодежь как перспективный человеческий ресурс, оно вкладывается в эту социальную общность, а та, в свою очередь, активно участвует в предложенных формах развития, переходя от статуса «кредитора» к полноценному субъекту экономического производства. Эту негласную договоренность, некое социальное согласие между молодежью и властью, можно обозначить как общественный договор, т. е. социальный контракт, на успешность которого работают две стороны, заинтересованные в совместном развитии. От согласия/несогласия принимать его условия зависит возможность получения молодежью высшего образования, обретение профессии, получение других перспектив.

Первые опыты осмысления такого ноумена как общественный договор связываются с деятельностью таких ученых, как Т. Гоббс [1], Дж. Локк [2], П. Гольбах [3], Жан-Жак Руссо [4], Ш. Монтескьё. Если обобщить их высказывания, то можно привести формулировку Руссо, согласно которому «только общая воля может управлять силами государства в соответствии с целью его установления, каковая есть общее благо» [4, с. 207]. В идее общей воли прослеживается взаимность интересов всех участников общества.

Современные социологические трактовки общественного договора не в полной мере отражают его суть. В постсоветских исследованиях встречается более узкий термин «социальный контракт» как инструмент улучшения качества жизни российского населения, где государство и население соглашаются на реализацию программ и мероприятий, направленных на снижение уровня бедности и улучшение социального благополучия граждан нашей страны. Государство предоставляет финансовую помощь, а граждане обязуются выполнять определенные условия для преодоления трудных жизненных ситуаций.

Общественный же договор предполагает двустороннее соглашение, некую неписаную взаимную договоренность между властью и обществом, его отдельными группами относительно ответственного исполнения взаимных обязательств.

В качестве одной из групп с позиций общественного договора предлагается рассмотреть советскую молодежь 50-х–60-х годов, прояснить, каким образом выполняется неписаное согласие между молодежью и властью, как последняя учитывает основные потребности молодежи, обеспечивает их выполнение, а молодежь, в свою очередь, осваивает востребованные отрасли производства, пополняет социально-профессиональную структуру новыми специалистами, включается в развитие экономики, сельского хозяйства, пополняет ряды вооруженных сил.

Данный период истории советской молодежи достаточно изучен и описан в трудах отечественных социологов: теоретический аспект изучения молодежного поколения в 1960-е годы представлен исследованиями Б. А. Грушина [6, с. 120]. Ростовские социологи Б. Рубин и Ю. Колесников в работе «Студент глазами социолога» высказали ряд критических замечаний по поводу системы высшего образо-

вания [7]. Исследование мировоззрения молодежи 1960-х гг. провели социологи А. Г. Здравомыслов и В. А. Ядов [8, с. 208].

Характеристика молодежи и отношения с властью

Советская молодежь рассматриваемого периода была дифференцирована по составу: молодые рабочие, сельская молодежь, учащиеся вузов и ссузов. Каждая социальная общность в рамках своей повседневности, пребывая где – за скамьями, станками, в поле, – шаг за шагом осуществляла социально одобряемую деятельность, реализовывая таким образом свой социальный потенциал в общественном договоре. Идея служения общему делу, поддерживаемая в массах, повсеместна присутствовала в умах большинства молодых людей. Это было уникальной характеристикой для той части советской молодежи, которая родилась и выросла при советской власти, в той развернутой сети общественных образовательных воспитательных учреждений, которые она для этого создала.

Официально запрос государства в отношении молодежи был сформулирован в «Программе КПСС» 1961 г.: на втором месте после научного мировоззрения появилось трудовое воспитание граждан СССР, что подразумевало следующую мысль: каждый советский человек должен не только трудиться, но и испытывать потребность в труде, любить работать.

Даже при определении возрастных границ молодежи главным критерием является труд: нижний предел – 15–16 лет, верхний – 27–30 лет. По итогам первой послевоенной переписи (1959 год) в СССР насчитали 31,1 миллиона молодых людей. На момент проведения переписи молодыми людьми считались все жители Советского Союза в возрасте от 14 до 28 лет [9].

Молодежь и труд. Запрос государства в сфере экономики выполнялся следующим образом: молодежь вступила в борьбу за выполнение 7-летнего плана, развернутого социалистического соревнования за неуклонный рост производительности труда, за технический прогресс. 1950–1960-е годы в СССР были ознаменованы комсомольскими стройками: строительство Братской, Днепродзержинской, Красноярской ГЭС; атомных электростанций; нефтепровода Уфа – Омск, Омск – Иркутск; газовых магистралей Бухара – Урал, Саратов – Горький; железнодорожной линии Абакан – Тайшет; Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Комплектование рабочей силой происходило посредством общественных призывов молодежи и увольняемых в запас военнослужащих, а также за счёт временных добровольных комсомольско-молодёжных строительных отрядов.

Государство ставило великие цели, которые способствовали подъему созидательных сил молодежи, приобщая их к совершению исторических событий. Приобщение к глобальным целям вдохновляло молодежь, она с готовностью отзывалась на преобразования в стране, патриотическому настрою немало поспособствовала советская пропаганда. Так проявлялась встречная инициатива как показатель общественного договора молодежи с советской властью. В начале 1950-х годов она имела идеологическую и альтруистическую нравственную направленность. На примере такого удивительного явления, как движение за звание ударников коммунистического труда, можно продемонстрировать, как на начальных этапах эта иници-

циатива представляла искренний порыв немалого числа работников показать совершенствование своего труда, улучшения технологии и техники работы.

Во второй половине 60-х годов экономическая мотивация стала вытеснять романтику воплощения своих идеалов познания жизни, когда молодёжи, приехавшей на стройки по комсомольским путёвкам, стали больше платить. Список материальных факторов мотивации может быть продолжен: приоритет в получении квартиры, возможность приобрести автомобиль и т. д. Несмотря на изменение мотивации в сторону прагматических интересов, массовое привлечение молодёжи к развитию экономической отрасли в стране вкупе с различными формами поддержки заложило одну из скреп общественного договора между молодёжью и властью: юноши и девушки чувствовали себя востребованными, их труд был поощряем и ценен.

Темпы роста промышленности определялись техническим прогрессом, быстрым внедрением в производство научных достижений. Развивающаяся экономика требовала более квалифицированной рабочей силы с более высоким уровнем образования: только так можно было добиться технического прогресса. На 1 тыс. занятых в промышленности молодых людей только 20 имели оконченное высшее образование, 63 – среднее специальное и неоконченное высшее, 426 – среднее общее, 364 – начальное образование [10, с. 115].

Образование молодежи. Советское государство было заинтересовано в образованной молодежи, ведь ускорение темпов НТП требовало серьезной подготовки специалистов определенных профилей в зависимости от потребностей производства. Заботясь о повышении производительности труда, руководство страны решало задачу повышения образовательного уровня молодежи. В 1950-е годы уровень образования населения страны был еще достаточно низким. Пусть она и была продиктована запросами экономики, однако возможность получения бесплатного качественного образования стало еще одной скрепой общественного договора.

Если исходить из того, что общая численность населения страны на 1959 г. составила 208, 8 млн. чел., то из них высшее и среднее образование имели:

ВО – 3 млн. 778 тыс.

Высшее неоконченное – 1 млн. 738 тыс.

Среднее специальное – 7 млн. 870 тыс.

Среднее общее – 9 млн. 936 тыс.

Неполное среднее (семилетняя школа) – 35 млн. 386 тыс. [11].

Одним из важных событий, характеризующих образование в 50–60-е годы в СССР, стал выход в июне 1956 г. Постановления Совета Министров СССР «Об отмене платы за обучение в старших классах средней школы, в средних специальных и высших учебных заведениях СССР». В этот период актуальным стало обучение в профессионально-технических училищах (ПТУ), что было вполне оправданным в ситуации нехватки в промышленном производстве квалифицированных специалистов. Однако сложности с комплектованием набора в ПТУ были связаны вовсе не с тем, что училища обеспечивали меньшую общеобразовательную подготовку по сравнению со школой. Большинство старшеклассников не желали связывать свое будущее с рабочей профессией. В исследовании В. Н. Шубкина этот феномен называется «пирамида профессий» [12]. Получалось нечто вроде перевернутой

пирамиды: школьники выбирали совсем не те профессии, которые им предлагало производство, – вакансии мало оплачиваемые, непрестижные с преимущественно ручным трудом. Молодёжь же в большинстве своем стремилась к высокооплачиваемым, творческим, квалифицированным видам труда. В сознании молодежи складывалась одна иерархия профессий, а в планах и постановлениях правительства – противоположная.

Еще одна тенденция в образовании тех лет – наследование образовательного статуса: в вузы в основном поступали дети служащих и интеллигенции, которая таким образом воспроизводила себя. Дети рабочих и колхозников в московских вузах составляли 30–40 % студентов.

«Хрущевская» реформа образования определила роль профессионально-технического образования молодежи, планомерную подготовку технически грамотных квалифицированных рабочих для всех отраслей народного хозяйства. Действовавшие ранее ФЗУ, ремесленные, железнодорожные, строительные училища, профтехшколы были преобразованы в дневные и вечерние городские профессиональные технические училища со сроком обучения 1–2 года. Последовала работа по обновлению учебных планов.

Одним из аспектов общественного договора, его встречного движения, можно считать решение вопросов трудоустройства: предусмотренная броня приема молодежи на работу гарантировала устойчивый социальный статус. В рассматриваемый период широкое распространение получила подготовка специалистов без отрыва от производства (в вечерней и заочной формах). С 1958 г., согласно Положению о преимущественном зачислении «производственников» и «стажников» – лиц, проработавших на производстве не менее двух лет, была закреплена формальная сдача экзаменов, зачисление в момент подачи заявления. Доля в плане приема должна была составлять до 80 %. В результате в 1958 г. из 448 тыс. студентов, принятых на дневные, вечерние и заочные отделения вузов, 320 тыс., или 70 %, имели опыт практической работы не менее двух лет. По сравнению с 1940 г. общий контингент студентов вечерних вузов увеличился в 1966/1967 учебном году в 23 раза, а заочных институтов – в 7,5 раз.

В период «оттепели» образование прочно вошло в быт советских людей. В вузах и техникумах обучалось свыше 4,5 млн. чел.; в целом по стране свыше 40 % рабочих имели среднее образование.

Высшие учебные заведения за 1918–1957 гг. подготовили 3,8 млн. специалистов с высшим образованием, а техникумы и другие средние специальные учебные заведения – 6,2 млн. специалистов со средним специальным образованием. Число студентов высших учебных заведений в 1957 г. по сравнению с 1914 г. увеличилось в 16,5 раз, учащихся средних специальных учебных заведений – в 36 раз. По уровню грамотности населения и по размаху школьного, среднеспециального и высшего образования СССР прочно занимал первое место в мире [10, с. 119–123].

Затрагивая гендерный аспект, можно сказать, что Октябрьская социалистическая революция в СССР открыла широкий доступ женщинам во все области науки, культуры, искусства. В числе учителей общеобразовательных школ в 1957 г. женщины составляли 70 %, в составе студентов высших учебных заведений – 49 %, уча-

щихся техникумов и других средних специальных учебных заведений – 48 %, в составе научных работников – 36 % [11, с. 41].

Молодежные организации. Молодёжи свойственно объединяться в различные социальные группы, иметь возможность реализоваться через деятельность общественных организаций. Общественная работа молодежи советского периода всегда была рядом с образованием, трудом. Заложенный культ коллектива во многом этому поспособствовал. Что касается формальных молодежных организаций, то до 60-х годов Комсомол остаётся одним из мощных агентов социализационного воздействия советской молодежи. Он был представлен передовой частью молодёжи.

Со временем все меньше осталось молодых людей, для которых общественная политическая деятельность оставалась делом всей жизни. Свойственная молодёжи потребность в самовыражении не реализовывалась в существующих формах. В 60-е годы молодёжь все больше стала проявлять равнодушное отношение к политике, увлекаться искусством, литературой, кинематографом, не принадлежащим к социалистическому реализму. Расширялся круг источников о зарубежном мире, студенты взаимодействовали с иностранными туристами, учились бок о бок коллегами из других стран.

Официально на XX съезде КПСС было отмечено, что комсомольские организации подчас подменяют живую организаторскую работу резолюциями, парадностью и шумихой.

Сложился ряд объективных факторов, поспособствовавших развитию неформальных движений. Советский Союз, несмотря на свою закрытость, не смог полностью изолироваться от культурного влияния Запада. Железный занавес не преградил путь идеям бунтарства и нонконформизма, которые находили отклик в сердцах советской молодежи.

В период 50-х–60-х годов появились добровольные общества: создавались по месту учёбы и работы по принципу добровольного вступления всех учащихся и тружеников, регулярно платились членские взносы.

Перечислим основные:

- ДОССАФ - Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту;
- СОККиКП – Союз Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца;
- ОСВОД – Общество спасания на водах;
- ВДОЛК – Всесоюзное добровольное общество любителей книги;
- ДСОП – Добровольное спортивное общество профсоюзов;
- ООП – Общество охраны природы;
- ООПИиК – Общество охраны памятников истории и культуры.

Неформальные объединения, или «неформалы», были разные: наряду с анти-социальными объединениями, среди неформалов все больше появлялось честных и порядочных людей, озабоченных судьбами страны, стремившихся участвовать в глубинных положительных процессах, происходивших в обществе. Они вступали в самостоятельные неформальные объединения просоциальной направленности:

- 1) Общественно-политические политклубы («Мемориал»).
- 2) Молодежно-досуговые (панки, металлисты, фанаты и др.).
- 3) Социально-нравственные («Милосердие», «Человек» и пр.).

- 4) Экологические («Зеленые», «Дельта», «Дамба»).
- 5) Религиозные.
- 6) Националистические.
- 7) Естественнонаучные.
- 8) Художественно-эстетические.
- 9) Собираательные.
- 10) Технические.
- 11) Спортивные.

В зависимости от направленности они могли быть как дополнением организованных коллективов, так и антиподами, в целом были направлены на формирование социальной активности молодежи и выполняли социально позитивную роль:

- 1965 г. – создан общественный клуб «Россия» по охране памятников истории и культуры. Члены его боролись против «бродвейдизации» Невского, вели археологические раскопки в Кижях, работали на реставрации Меншиковского дворца, помогали восстанавливать церкви.

- Государственный масштаб приобрело движение МЖК (Молодежные жилищные комплексы).

Цели самостоятельных любительских объединений были следующие:

- Сохранение окружающей среды от загрязнения и уничтожения.
- Восстановление памятников культуры, безвозмездная реставрация их.
- Забота об инвалидах и престарелых.
- Борьба со взяточничеством и коррупцией.

Молодёжь искала новые формы приложения своей энергии, стала сознавать себя как активного субъекта общественных отношений. Но, когда она пыталась проявить себя в практической деятельности, порой срабатывала шлагбаумная психология.

Говоря о социальном составе, среди членов самостоятельных объединений были представители различных социальных групп: инженерно-технические работники, студенты, рабочие, учащиеся, встречались также и пенсионеры. Стиляги – дети партийных работников и комсомольских лидеров.

В Санкт-Петербурге насчитывалось 1300 любительских объединений численностью более 100 тыс. человек (СПб.). В основном это учащаяся и рабочая молодёжь.

Причины появления самостоятельных движений:

- своеобразная реакция на те проблемы, которые накопились в обществе в период застоя, на формализм в идеологической работе, нежелание руководителей формальных организаций решить эти проблемы;

- объективные потребности общества, вступившего в сферу активной демократизации, широкой самостоятельной активности народа, включая молодёжь;

- сущностные черты молодёжи: исключительная отзывчивость в силу возраста и отсутствия сдерживающих, не всегда позитивных рамок, определяющих поведение взрослых людей;

- ограничение возможностей самореализации и жизненного самоутверждения формирующейся личности, явившейся следствием длительного застоя 70-х-80-х годов;

- отсутствие/разочарование в предлагаемой значимой деятельности и самостоятельный поиск ее альтернатив;
- разложение административно-командной системы;
- к концу 60-х рок становится наиболее популярным музыкальным течением среди городской молодежи СССР.

Функционально большая часть была настроена на сотрудничество (просоциальные), другие – на оппонирование и критику (асоциальные), меньшинство (асоциальные) – выражали оппозицию. Пример тому – дело Краснопевцева (1957 г.), яркий пример диссидентства, начавшегося зарождаться в период оттепели, и формально за точку отсчёта можно принять XX съезд КПСС 1956 года. Доклад Хрущёва о культе личности Сталина взбудоражил общественность, но направить эту энергетику в политическое русло было практически невозможно – критиковать пороки общественно-политического развития позволялось лишь в тех рамках, которые определяла заданная сверху установка.

Те же, кто шёл в критике дальше, могли сталкиваться с соответствующими санкциями. Одним из первых диссидентских «дел» стала история аспиранта и секретаря комитета комсомола исторического факультета МГУ Льва Краснопевцева. Несколько выпускников истфака во главе с Краснопевцевым основали кружок, в котором обсуждали причины сталинизма и перспективы дальнейшей десталинизации. По сути, они лишь углубляли и развивали предложенную партией мысль. Члены кружка подготовили листовку с призывом к борьбе за «социалистическое обновление» в духе XX съезда и распространили несколько сотен экземпляров в столице. В августе 1957 года их арестовали, Лев Краснопевцев получил 10 лет лагерей.

Дело Краснопевцева – свидетельство ограниченности, примитивности органов управления, приведших к тому, что творческий потенциал молодежи не использовался при принятии управленческих решений.

Хрущевская оттепель хоть и оказалась кратковременной, однако люди узнали свои возможности, речь шла о пробуждении сознания. Постепенно обыватели превращались в активных граждан. В крупных городах СССР, ища возможности реализации своих потребностей и не всегда находя их в рамках существовавших организаций, молодежь стала объединяться в неформальные объединения, часто называемые «самодеятельными, любительскими, неформальными». Наиболее адекватным представляется термин «самодеятельные движения», поскольку:

- а) Все они были добровольными и организационно самостоятельными.
- б) Заняты каким-то видом деятельности в расчете на реальную отдачу.

Запросы молодёжи – гласность, борьба с застойными явлениями, изменение отношения к труду, единство слова и дела, борьба с коррупцией, подлинная нравственность – четко обозначились, но не учитывались, а значит, не в полном объеме выполнялись условия общественного договора. Взрыв социальной активности широких слоев населения привёл к появлению большого числа просоциальных самодеятельных объединений. И это являлось важным показателем позитивных процессов, происходивших в стране. К сожалению, слишком долго прививалась привычка к единомыслию, вера в непререкаемые авторитеты и директивные указания сверху. Конструктивного диалога и согласия по этому вопросу у молодежи и госу-

дарства не получилось: надо было учиться поддерживать и защищать людей, которые проявляли оригинальность и нестереотипность мышления.

Термин «неформалы» может быть использован лишь относительно таких групп, как хиппи, панки, металлисты, для которых характерен чаще всего спонтанный, неорганизованный, нестабильный характер [13, с. 45]. Для неформалитета характерен проблемный вид деятельности, в котором часто проявлялись три основные тенденции: молодёжный экстремизм и максимализм, стремление решить проблемы «здесь и сейчас», нетерпимость к фальши, оппозиционность официальным общественным организациям, политизация.

«Вторая волна» неформалитета – конец 60-х годов: в крупнейших городах (прежде всего в Москве, Ленинграде, Киеве, Львове) появляются первые отечественные хип-группы. В эти же годы в молодёжную среду входят и постепенно становятся модными наркотики и токсические вещества. В содержательном смысле «вторая волна» – это прежде всего группы контркультурной и эпатажной направленности (хип-система, панки, рокеры и т. п.), основанные на подражании западной культуре, свободных альтернативных ценностях, вырабатываемых изнутри. По мере взросления многие уходили из металлических групп, отходили от панкизма и хиппизма.

Отношение к неформалам в обществе было неоднозначное и противоречивое: у одних это вызывало шок и растерянность, кто-то был убеждён, что их надо запретить. Партийные активисты скорее становились в оппозиции, услышав слово «неформал», нежели старались изучить направленность их деятельности. Необходимо было учиться аргументированно спорить с неформалами, а не ругать за неправильные суждения. Педагогики сотрудничества не сложилось. Общественный договор по вопросу участия молодежи в неформальных организациях не состоялся.

Заключение

За период 50-х–60-х годов сложившиеся условия осуществления общественного договора между властью и интересующей нас социальной общностью – молодёжью – закрепились и развивались. Общественный договор как показатель взаимного двустороннего согласия скрепил цель, разделяемую её участниками, – построение благополучного коммунистического общества. Молодежи в этом социалистическом строительстве отводилась ведущая роль, и она полностью выполняла свою часть обязательств общественного договора: активно вовлекалась в строительство советского общества, осваивала новые формы труда (ударничество, стахановское движение, движение за звание бригад коммунистического труда, участие в комсомольских стройках, освоение целины и др.)

Участие молодежи в социалистическом строительстве было обеспечено политикой государства, четко и последовательно сориентированной на внедрение в сознание молодежи культа труда, коллектива и культа образования, что обеспечило ей успешное участие в строительстве своей как общественной, так и личной жизни. Впоследствии к ценностям высокого порядка добавится и материальная мотивация, труд станет поощряем.

Рассматривая встречные инициативы как показатель общественного договора, нужно сказать, что государство оправдывало заявленные лозунги: образовыва-

ло молодежь, обеспечивало ее рабочими местами. Молодежь имела перспективы социального роста в виде доступа к средне-специальному и высшему образованию, получению перспективной должности, что обеспечивало ее в целом благоприятное отношение к официальной политике.

Молодежь «оттепели» была последним поколением, которое искренне разделяло надежды на скорейшее построение коммунизма. За этот период количество выпускников вузов увеличилось в полтора раза, инженеров – в 2,5 раза. Выросло количество молодых людей, поступивших в средние и высшие учебные заведения при наличии опыта работы в различных отраслях хозяйства и культуры. Шло активное развитие вечернего и заочного образования. Практически половина обучающейся молодежи получала образование без отрыва от производства.

Вместе с тем во все эти периоды присущая априори потребность самореализации в трудовой жизни, общественно-политической, культурной проявлялась в том, что в среде молодежи возникали попытки совершенствовать, обновить, реформировать сложившиеся отношения в обществе, что проявилось в создании неформальных организаций (например, дело Краснопевцева), которые были подвернуты преследованиям вместо переориентации стремлений этих групп молодежи на реальное участие в преобразовании и/или совершенствовании экономических, политических, социальных и культурных процессов. Вместо перевода внешне разрушительной силы некоторых неформальных организаций на созидание и развитие применялось подавление и репрессии, хотя зачастую за ярким, иногда протестным проявлением субъектности скрывались конструктивные идеи.

Молодежь активно проявляла свою субъектность, гражданские инициативы имели общественно значимые цели и были направлены на конструктивную деятельность. Для них характерно стремление разрабатывать собственные программы и проекты решения социальных, экологических, экономических проблем, не рассчитывая на поддержку государства. Стремление к самовыражению, поиску форм новой значимой деятельности со временем возьмет вверх. А в том периоде отмечается косность, нежелание признать альтернативную значимую деятельность, кроме комсомольской. Если в вопросе поддержки просоциальных организаций выполнение общественного договора было нарушено, то по отношению к неформальным группам оно не сложилось вовсе: запрет с одной стороны повлек рост протестных настроений с другой.

Ссылки

1. Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. /Сост. В. В. Соколов; пер. с лат. и англ. Н. Федорова и А. Гутермана. М.: Мысль, 1989. Т. 2. 1991. 735 с.
2. Локк Д. Сочинения. Т. 3. М.: Мысль, 1988. 668 с.
3. Гольбах П. А. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. Под общ. ред. Х. Н. Момджяна. М.: Соцгиз, 1963. 714 с.
4. Руссо Ж. Ж. Об Общественном договоре: Трактаты / Пер. с фр. А. Хяютина, В. Алексеева-Попова. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-Пресс-Ц., 2000. 544с.

5. Грушин Б. А. Горький вкус не востребоованности. Российская социология шестидеся-
тых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: Русский христианский гуманитарный инсти-
тут, 1999. 156 с. EDN ZGKPPX
6. Рубин Б. Г., Колесников Ю. С. Студент глазами социолога: Социол. проблемы воспроиз-
водства рабочей силы высш. квалификации. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1968. 277 с.
7. Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. М: На-
ука, 2013. 376 с. EDN SWYNQU
8. Динамика населения СССР 1960-1980 гг. / Э. К. Васильева, Елисеева И. И., О. Н. Кашина,
В. И. Лаптев. М.: Финансы и статистика, 1985. 176 с.
9. Степанов А. С. Безумство храбрых: о молодежи 1917-1991 годов. М.: Алгоритм-Книга,
2008. 820 с.
10. Елютин В. П. Высшая школа СССР за 50 лет (1917-1967 гг.). М.: Высшая школа, 1967.
272 с.
11. Чередниченко Г. А., Шубкин В. Н. Молодежь вступает в жизнь. М.: Мысль, 1985. 240 с.
EDN VKKHRT
12. Шубкин В. Н. Социология и общество: научное познание и этика науки : Монография.
Москва : Юрайт, 2019. 357 с. EDN HYBJMX.
13. Тощенко Ж. Т. Общественный договор в российском исполнении: реальность и уроки
// Вестник РГГУ. 2023. № 3. Ч. 2. С. 168-183. DOI 10.28995/2073-6401-2023-3-168-183